

Свобода и безсмертіе.

Статья кн. Е. Н. Трубецкого.

Печатаемая ниже статья покойнаго кн. Е. Н. Трубецкого была написана имъ для выходившей въ Екатеринославѣ газеты „Слово“, но напечатана не была, такъ какъ вторженіе махновцевъ положило конецъ изданію газеты. Засимъ она, уже послѣ смерти автора была набрана для задуманнаго въ Севастополѣ двухнедѣльнаго журнала „Русская Культура“, но журналъ этотъ не вышелъ въ свѣтъ вовсе.

Статья кн. Е. Н. Трубецкого весьма характерна для автора, соединявшаго подлинное свободомысліе съ твердой вѣрой въ абсолютныя цѣнности. Свободомысліе Трубецкого покоилось на вѣрѣ въ божественныя начала и обѣтованія, въ разумъ и безсмертіе, его гуманизмъ опирался на глубокую религіозную убѣжденность. Печатая это посмертное исповѣданіе кн. Е. Н. Трубецкого, мы хотимъ въ умѣ читателей „Русской Мысли“, съ которыми онъ бесѣдовалъ въ теченіе всего истекшаго года, какъ авторъ задушевныхъ и напоенныхъ мыслями „Воспоминаній“, оживить образъ нашего отошедшаго въ лучшій міръ друга. Въ его прекрасныхъ словахъ для всѣхъ насъ — нравственное утѣшеніе, бодрящій призывъ къ душевному подъему.

П. С.

Во всякомъ героическомъ подвигѣ, во всякомъ актѣ самопожертвованія есть сознательная или безсознательная вѣра въ какой то посмертный смыслъ жизни, который выходитъ за предѣлы личнаго существованія. Этимъ подвигомъ мы заявляемъ, что не стоитъ жить для нашего личнаго удобства, счастья, эгоизма, что смыслъ жизни каждаго изъ насъ — въ какихъ то непреходящихъ міровыхъ цѣляхъ. И оттого то самая мысль о безкорыстномъ подвигѣ такъ возвышаетъ душу. Мы чувствуемъ, что этимъ подвигомъ личность перерастаетъ самое себя, ибо она вырастаетъ въ міровое цѣлое и

увѣковѣчиваетъ себя въ немъ: ея жизнь вливается въ неумирающій потокъ жизни общей. Пусть мы умремъ. Есть цѣнности, которыя не умираютъ: въ нихъ отдѣльный человѣкъ найдетъ оправданіе своего существованія.

Въ обществѣ утвердился взглядъ, что цѣнностью, ради которой стоитъ жить и умереть, является свобода. Чѣмъ объясняется такая высокая ея оцѣнка?

Какъ бы ни была велика цѣнность свободы, ясно, что сама по себѣ она не можетъ быть послѣднею окончательною цѣлью нашего существованія. Ея цѣнность не въ ней самой, а въ человѣкѣ, для котораго она предназначена служить орудіемъ. Мы не могли бы цѣнить свободы, если бы не уважали человѣка, если бы не признавали въ немъ существа, достойнаго свободы.

Для насъ человѣкъ — центръ вселенной и не только центръ, но владыка и царь. На этомъ предположеніи покоится вся наша жизнь и дѣятельность и все наше пониманіе свободы. Требуя свободы для человѣка и только для него одного, мы тѣмъ самымъ заявляемъ о глубокомъ коренномъ отличіи его отъ внѣшней природы и твари; и это отличіе дѣлаетъ его существомъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Мы этимъ самымъ показываемъ, что есть цѣлая бездна, которая отдѣляетъ въ нашихъ глазахъ человѣка отъ животнаго царства, что онъ для насъ — первожденный всей твари.

И это отличіе отъ низшей твари у насъ у всѣхъ общее, всѣмъ одинаковое. Всѣхъ людей отдѣляетъ отъ животнаго царства одна и та же грань, одна и та же пропасть. Вотъ почему мы требуемъ для всѣхъ людей одинаковыхъ правъ. Мысль о свободѣ у насъ не отдѣляется отъ мысли о равноправіи.

Чтобы располагать собою и властвовать надъ внѣшнимъ міромъ, нужно обладать разумомъ, лишеныя разума животныя подвластны по природѣ: царство подобаетъ только разуму. Достоинство свободы только такое существо, которое разумно можетъ устроить свою жизнь.

И мы требуемъ свободы для человѣка въ силу его царственнаго помзанія. Во всѣхъ видахъ и формахъ свободы мы уважаемъ только разумъ. Мы цѣнимъ свободу мысли, потому что мысль въ оковахъ неспособна къ творчеству: для творчества нуженъ свободный полетъ; безъ свободы изслѣдованія невозможна наука.

Мы цѣнимъ свободу слова, потому что безъ нея невозможны передача и усвоеніе мысли. Мы требуемъ неприкосновенности личности, потому что уважаемъ въ каждомъ человѣкѣ индивидуальнаго носителя разума. Мы требуемъ политической свободы, потому что уважаемъ коллективный разумъ народа.

Во всѣхъ видахъ свободы мы цѣнимъ ту возможность безпрпятственнаго проявленія разума, которая служитъ за-

логомъ его побѣды. Въ этой побѣдѣ наша цѣль и въ ней источникъ нашего воодушевленія. Свобода — это крылья разума.

Но сорвите съ человѣка его царственный вѣнецъ, развѣчайте разумъ, и зданіе свободы рухнетъ, ибо вмѣстѣ съ разумомъ рушатся всѣ наши человѣческія цѣнности. Упраздните эту грань между человѣкомъ и животнымъ царствомъ: тѣмъ самымъ вы ниспровергнете самыя основы правового порядка и возвеличите деспотизмъ. Тогда человѣкъ совершенно равноправенъ животному, его можно обращать въ орудіе. Если человѣкъ — червь, то его дозволительно раздавить.

Тутъ мы сталкиваемся съ однимъ изъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ. Вѣра въ разумъ и его грядущую побѣду возможна только съ точки зрѣнія опредѣленнаго міропониманія — того, которое вѣритъ въ смыслъ жизни міровой.

Чтобы вѣрить въ эту побѣду, нужно знать, допускается ли она законами вселенной, не является ли въ ней человѣческій разумъ одинокимъ и чуждымъ, что значитъ вообще разумъ въ мірозданіи?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, нужно считаться съ тѣмъ философскимъ пессимизмомъ, который учитъ, что разуму нѣтъ мѣста въ строѣ вселенной. Въ этомъ случаѣ въ ней не найдется мѣста и для человѣческаго разума, ибо среди безсмысленной вселенной онъ можетъ быть лишь частнымъ проявленіемъ всеобщей безсмыслицы.

Къ такому выводу приходитъ Ницше. Онъ видитъ въ человѣческомъ разумѣ, нѣкотораго рода дурачество міровой стихіи. „Во всемъ существующемъ, говоритъ его Заратустра, — одно представляется невозможнымъ — разумность. Правда, по планетамъ разсыпано немного мудрости: эта закваска примѣшана ко всѣмъ вещамъ. Дурачества ради ко всѣмъ вещамъ примѣшана мудрость“.

Иными словами: разумъ — не болѣе какъ привиллегія ничтожнѣйшей разновидности органическаго міра — человѣка. Въ міровой жизни вся коллективная работа человѣческаго разума не имѣетъ значенія; въ самой жизни человѣчества область сознательнаго, разумнаго — ничтожнѣйшій отдѣлъ. И Ницше приходитъ къ безотрадному выводу: разумъ — это сфера заблужденій, спасительныхъ для человѣческаго рода.

Для насъ въ высшей степени важно оцѣнить теоретическія основы такого пессимистическаго воззрѣнія. Если оно вѣрно, то вся наша антропоцентрическая этика рушится. Тутъ наша этика приходитъ въ конфликтъ съ нашимъ научнымъ міросозерцаніемъ.

Вся наша жизнь, все наше поведеніе построены на томъ предположеніи, что человѣкъ — царь вселенной. А между тѣмъ естественныя науки, какъ будто, указываютъ, что онъ ничтожнѣйшая ея часть, что вся наша цивилизація не болѣе

какъ скоропребывающая пѣсня земли. Объ этомъ, повидимому, свидѣтельствуеетъ астрономія. Глядя на небесный сводъ, невольно спрашиваешь себя: какую роль играетъ разумъ среди этихъ безчисленныхъ міровъ. Можетъ ли онъ сравниться съ тѣми неподвижными созвѣздіями, которыя невѣдомо откуда появляются во мракѣ небесъ и такъ же быстро исчезаютъ, оставляя по себѣ скоропребывающій огненный свѣтъ. Этотъ вопросъ имѣетъ самое близкое отношеніе ко всему, что насъ здѣсь, на землѣ, волнуетъ, ко всѣмъ нашимъ практическимъ задачамъ и злобамъ дчя.

Мы знаемъ, что наступитъ день, когда наша земля въ видѣ облещенной глыбы будетъ носиться вокругъ потухшаго солнца; и мы хотимъ дать нашей землѣ какое-то разумное устройство. Не бессмысленны ли наши попытки? Не представляютъ ли онѣ собой сплошное „дурачество разума“?

Я не напрасно заговорилъ о падающихъ звѣздахъ. Это нѣмые свидѣтели ужасающей міровой драмы. Мы знаемъ, что это осколки распавшихся міровъ, развалины планетъ. Когда-то, быть можетъ, и онѣ были населены разумными существами, которыя гордо, какъ и мы, мечтали о своемъ достоинствѣ, боролись съ деспотизмомъ, требовали земли и воли. Зачѣмъ они это дѣлали и зачѣмъ мы это дѣлаемъ, разъ намъ предстоитъ та же участь. Не все ли равно, случится ли это сегодня, завтра или черезъ нѣсколько тысячелѣтій. Что значить въ міровой жизни время. Развѣ въ ней нѣсколько тысячелѣтій не то же, что одна секунда. И не есть ли эгогъ неизбежный конецъ — полное посрамленіе человѣческаго разума.

Чтобы видѣть это посрамленіе, не надо обращаться къ астрономіи: достаточно совершить прогулку на кладбище. Тутъ мы найдемъ безобразную, возмутительную пародію на всѣ наши идеалы и формулы: тутъ и всеобщее равноправіе безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и даже возраста; и полное осуществленіе четырехчленной формулы, потому что могильные кресты олицетворяютъ ожидающій каждаго изъ насъ всеобщій, прямой, тайный и равный жребій; наконецъ тутъ же и окончательное разрѣшеніе земельного вопроса, ибо, говоря словами Л. Н. Толстого, на кладбищѣ каждый человѣкъ получить въ надѣлъ какъ разъ столько земли, сколько ему нужно. И величайшій уравнитель — смерть пошла еще дальше самыхъ смѣлыхъ нашихъ утопій. Она сорвала съ человѣка его царственный вѣнецъ и уравнила его съ прахомъ. Неужели же эта республика мертвецовъ — окончательный вѣнецъ усилій человѣческаго разума?

Какую же цѣнность при этихъ условіяхъ можетъ имѣть для насъ разумъ? Если онъ посрамленъ и одураченъ, то съ нимъ вмѣстѣ ниспровергнуты всѣ наши человѣческія цѣнности — наша вѣра въ прогрессъ, наша любовь къ ближнему и тотъ безкорыстный подвигъ, котормъ мы думали себя увѣковѣ-

читать. Что же намъ уважать, предъ чѣмъ преклоняться въ человѣкѣ? Что остается отъ всего нашего цѣннаго, великаго, святаго? Развѣ смерть не превращаетъ въ недостойный обманъ всѣ наши святыни? И если торжество смерти будетъ окончательнымъ, то самое наше негодованіе утрачиваетъ смыслъ: тогда намъ уже незачѣмъ возмущаться.

И прежде всего — развѣ эта гибель всего существующаго, развѣ это исчезновеніе разума не возмутительнѣе всѣхъ деспотизмовъ въ мірѣ? Что значать, по сравненію съ этимъ безобразіемъ вселенной, всѣ наши человѣческія безобразія: всѣ наши казни, убійства, издѣвательства надъ личностью. Деспотизмъ сѣтъ смерть. Но вѣдь онъ — частное проявленіе того всеобщаго царства смерти, которое лежитъ въ корнѣ вещей того міра, который весь во злѣ лежитъ. Чѣмъ намъ возмущаться, если мы не возмущаемся самымъ фактомъ смерти? И что даетъ намъ силу выносить жизнь, столь явнымъ образомъ неразумную и бессмысленную...

Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: мы просто не вѣримъ въ смерть и не можемъ въ нее повѣрить. Несмотря на все то, что мы видимъ и знаемъ, вѣра въ смерть не умѣщается въ человѣческомъ сердцѣ. Мы признаемъ ее умомъ, мы считаемся съ нею въ нашихъ разсужденіяхъ, но отрицаемъ ее всѣмъ нашимъ существомъ, самую нашу жизнь: ее душа наша не пріемлетъ.

И потому то насъ и не смущаетъ окружающая бессмыслица. Въ основѣ нашей жизни лежитъ вѣра въ скрытый для насъ разумъ вселенной и въ его окончательную побѣду. Это одно даетъ намъ силу жить и принимать жизнь.

Если бы эта надежда не жила въ человѣкѣ, если бы она не таилась даже въ тѣхъ, кто умомъ ее отрицаетъ, то вскорѣ ужасъ смерти заморозилъ бы всякое воодушевленіе, убилъ бы всякую энергію и остановилъ бы самую жизнь: ибо нѣтъ того человѣческаго дѣла, которое не обезцѣнивалось бы смертью.

Чтобы жить и дѣйствовать, нужно вѣрить, что есть надъ нами солнце, которое не погаснетъ, что мы работаемъ не для мигильнаго червя и что человѣческое достоинство не есть иллюзія. Намъ нужно достоверно знать, что міръ идетъ къ цѣли, что не погибнетъ человѣкъ и не сгинетъ то дѣло, въ которое мы вкладываемъ душу. Напрасны попытки доказать эту вѣру: она предполагается всякимъ движеніемъ нашего ума и сердца, самую нашу жизнь. Но также невозможно изгнать ее изъ нашего сердца. Если изгнать ее изъ сознанія, она всетаки будетъ жить гдѣ-то за порогомъ сознанія, въ тайникахъ нашей души: она есть то, чѣмъ мы живемъ и двигаемся...

Теперь понятно то, что я сказалъ о связи свободы и безсмертія. Въ безсмертіи смыслъ свободы и ея цѣнность. Эти

крылья нужны человѣческому разуму только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно способенъ къ тому творческому акту, для котораго нужна свобода, если она дѣйствительно можетъ создать что-либо великое и прочное, что не уничтожается. Свобода подобаешь человѣку, какъ сосуду Безусловнаго. Признаніе свободы — это та дань уваженія, которую мы платимъ безсмертію.

Въ наши дни унынія и упадка духа, разброда мысли и всеобщей растерянности есть что то бодрящее въ этомъ сознаніи. Унывать не можетъ тотъ, кто видитъ смыслъ надъ окружающей безсмыслицей, кто сознаетъ величіе стоящей передъ нами цѣли. Цѣль эта даетъ увѣренность въ побѣдѣ: ибо если человѣкъ — носитель неумирающей, вѣчной правды, то нѣтъ той власти, которая могла бы лишить его царства, и нѣтъ той силы, которая могла бы его раздавить.

Но надо помнить, что правда не въ той ненависти, которая сѣетъ смерть, а въ той любви, которая созидаетъ жизнь. И когда мы поймемъ это, мы всѣмъ сердцемъ почувствуемъ, для чего нужна намъ свобода. Она нужна намъ для созиданія той новой неумирающей формы жизни, провозвѣстникомъ которой является свободный человѣкъ. Она нужна намъ для очеловѣченія Россіи.

Кн. Е. Трубецкой.